

Научная статья

УДК 314.7

EDN: <https://elibrary.ru/QWYIDE>

НИОН: 2007-0083-1/26-782

MOSURED: 77/27-005-2026-01-982

Адаптация и интеграция русскоязычных мигрантов в России: социально-экономические аспекты

Наталья Васильевна Пухова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, nata-nattella2012@yandex.ru

Аннотация. Анализируются процессы адаптации и интеграции русскоязычных мигрантов из стран СНГ в России с акцентом на социально-экономические факторы и роль государственной миграционной политики как ключевого инструмента формирования этих процессов. Рассмотрены исторические предпосылки миграции — от постсоветской репатриации до современных тенденций трудовой и образовательной миграции. Особое внимание уделено влиянию базового уровня владения русским языком на интеграцию, а также вызовам, связанным с бюрократическими барьерами, конкуренцией на рынке труда, этнокультурными различиями и ксенофобными настроениями. Предложены меры по совершенствованию интеграционной политики: упрощение процедур легализации, развитие языковых программ, педагогическая поддержка детей мигрантов и стимулирование положительного восприятия многоязычия в обществе. Дополнительно проанализировано влияние эмиграционных волн на сохранение и трансформацию русского языка за рубежом.

Ключевые слова: миграционные процессы, русскоязычные мигранты, трудовая миграция, образовательная миграция, миграционная политика России, русский язык, языковые курсы, языковой ландшафт, социально-экономическая адаптация

Для цитирования: Пухова Н. В. Адаптация и интеграция русскоязычных мигрантов в России: социально-экономические аспекты // Криминологический журнал. 2026. № 1. С. 163–173. EDN: QWYIDE.

Original article

Adaptation and integration of Russian-speaking migrants in Russia: socio-economic aspects

Nataliia V. Pukhova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, nata-nattella2012@yandex.ru

Abstract. Analyzes the processes of adaptation and integration of Russian-speaking migrants from the CIS countries in Russia with an emphasis on socio-economic factors and the role of state migration policy as a key tool for shaping these processes. The historical background of migration is considered, from post—Soviet repatriation to current trends in labor and educational migration. Special attention is paid to the impact of the basic level of Russian language proficiency on integration, as well as the challenges associated with bureaucratic barriers, competition in the labor market, ethnic and cultural differences and xenophobic sentiments. Measures to improve integration policy are proposed: simplification of legalization procedures, development of language programs, pedagogical support for migrant children and stimulation of positive perception of multilingualism in society. Additionally, the impact of emigration waves on the preservation and transformation of the Russian language abroad is analyzed.

Keywords: migration processes, Russian-speaking migrants, labor migration, educational migration, migration policy of Russia, Russian language, language courses, language landscape, socio-economic adaptation

For citation: Pukhova N. V. Adaptation and integration of Russian-speaking migrants in Russia: socio-economic aspects. Criminological Journal. 2026;(1):163–173. (In Russ.). EDN: QWYIDE.

© Пухова Н. В., 2026

Введение

Миграция русскоязычного населения из стран СНГ в Россию — одно из ключевых социально-экономических явлений постсоветского периода. Этот процесс был обусловлен комплексом факторов: распадом СССР, экономическими кризисами, политической нестабильностью и этническими конфликтами. Это классический набор факторов «притяжения-выталкивания», усиленный уникальным постсоветским контекстом.

Русскоязычные мигранты, включая этнических русских и представителей других народов, свободно владеющих русским языком, составляют значительную часть миграционного потока.

С конца XIX в. Центральная Азия, ранее бывшая регионом приема мигрантов, превратилась в зону активного исхода населения. В 1990-е гг. репатриация в Россию усилилась на фоне процессов «национализации» в новых независимых государствах. Параллельно наблюдалась значительная эмиграция из самой России, что оказало влияние на развитие русского языка за ее пределами [1; 2]. Русский язык выполняет роль «человеческого капитала» для мигрантов: он снижает транзакционные и адаптационные издержки (поиск работы, образование, взаимодействие с властями). Это делает Россию естественным приемным рынком для русскоязычных из Украины, Казахстана, Узбекистана и др.

Миграционная политика России, которая регулируется рядом федеральных законов и нормативных актов [3–11], а также государственными программами переселения, выступает ключевым фактором, определяющим условия адаптации и интеграции мигрантов, формируя как возможности, так и барьеры для их включения в российское общество. Особое значение имеет адаптация детей мигрантов в российских школах, где иноэтничность и инофобность создают дополнительные препятствия, требующие специальных педагогических подходов [12].

Теоретико-методологическая основа исследования

Данное исследование опирается на комплексный подход, объединяющий миграциологический, социологический и демографический подходы, что позволяет рассматривать миграцию как многоуровневую систему, охватывающую трудовую и образовательную миграцию, языковую и социокультурную адаптацию.

В свою очередь, адаптация представляет собой процесс приспособления мигрантов к новой социальной и экономической среде. Мы взяли за основу определение, представленное в диссертационном исследовании В. А. Медведь: адаптация — «начальный процесс включения и интеграции мигранта в социальную, профессиональную и образовательную среду. Социальная адаптация не предполагает отказа от своей национальной идентичности» [13, с. 42]. В дан-

ной статье подчеркивается, что российская миграционная политика формирует как стимулы (например, упрощенные процедуры для граждан ЕАЭС), так и барьеры (например, обязательные экзамены по русскому языку), влияющие на социально-экономическую адаптацию мигрантов.

В качестве теории первого порядка применяется концепция «притяжения-выталкивания» Э. Ли (1966 г.) [14] человеческого капитала (Дж. Беккер) [15] и миграционных сетей (Д. Массеи и др.) [16], объясняющие роль русского языка и социальных связей в интеграции, поддерживаемой или ограниченной миграционной политикой России.

Теориям второго порядка служит гравитационная модель Г. Ципфа (1946 г.) [17], которая является одной из ранних теоретических моделей для объяснения миграционных потоков и пространственного распределения населения, а также модель «промежуточных возможностей» С. А. Стоуффера (1940 г.) [18]. Данные модели используются для анализа концентрации мигрантов в крупных городах и их выбора регионов с высоким спросом на рабочую силу, что часто регулируется региональными аспектами российской миграционной политики.

Эмпирическая база исследования включает данные Росстата [19]; бюллетени по миграции, труду, образованию. Для владения языком — итоги переписи 2021 г. [20], индекс интеграции ИОМ/IPL [21], а также социологические исследования, которые акцентируют внимание на значении социальных сетей и языковых навыков для успешной интеграции в контексте российской политики.

Исторический контекст миграции русскоязычного населения

Миграционные процессы на территории России имеют многовековую историю, формировавшуюся под воздействием геополитического положения страны, ее социально-экономических потребностей и меняющейся государственной политики регулирования перемещений населения. Если рассматривать их в рамках теории «притяжения-выталкивания» [14], можно отметить, что на протяжении веков сочетание внешних факторов (политические союзы, военные угрозы, экономические возможности) и внутренних условий (потребность в рабочей силе, освоение новых территорий, демографический баланс) формировало комплекс стимулов и барьеров для миграции.

Еще в эпоху Киевской Руси международные связи способствовали притоку иностранцев — торговцев, воинов, духовенства, — что можно рассматривать как ранний этап институционализации миграционных норм. Договоры с Византией (X–XI вв.) включали положения о военной службе русских дружин и выкупе пленных, а обычное право закрепляло принципы гостеприимства к мирным переселенцам. Кочевые

племена (печенеги, половцы) оседали на русских землях или участвовали в военных походах, что, по сути, являлось прообразом трудовой миграции.

Развитие торговли мехами, кожей и специями привлекало купцов из Европы и Азии; языковые барьеры в этот период преодолевались посредством переводчиков, зачастую из числа самих мигрантов.

В период монголо-татарского ига (XIII–XV вв.) сохранялась относительная открытость для иностранных купцов и дипломатов, но с усилением централизованной власти при Иване III и Василии III (XV–XVI вв.) миграционные потоки начали регулироваться с позиций безопасности и религиозного контроля [22]. В XVI в. появляются «проезжие грамоты» — прообраз современных виз, направленные на контроль перемещений. Соборное уложение 1649 г. впервые комплексно закрепило правила выдачи таких документов и санкции за их отсутствие.

В XVIII в. реформы Петра I, включая введение «пашпартов», ужесточили контроль за мобильностью населения, но при Екатерине II политика вновь смягчилась: манифесты 1762 и 1763 гг. предоставили иностранцам право на поселение и земельные наделы в целях экономического развития. Создание Канцелярии опекунов иностранных способствовало институциональной поддержке мигрантов, хотя религиозные ограничения для евреев и мусульман сохранялись вплоть до конца XVIII в.

XIX в., в логике гравитационной модели Г. Ципфа, демонстрировал рост внутренних перемещений в направлении экономически более развитых центров, особенно после отмены крепостного права (1861 г.). Закон 1904 г. о добровольном переселении сельских жителей стимулировал аграрную миграцию, а революционные события 1905–1907 гг. и экономические кризисы усилили отток населения из бедных регионов [23].

В советский период миграция приобрела индустриально-массовый характер. С одной стороны, она включала эвакуацию и трудовую мобилизацию в годы Второй мировой войны, а также насильственные депортации этнических групп (немцев Поволжья, крымских татар) по мотивам военной безопасности. С другой стороны, происходили репатриации соотечественников и миграция армян из Турции после геноцида [24]. В первой половине XX в. началась и эмиграция высококвалифицированных специалистов и интеллигенции, что впоследствии будет рассматриваться как предтеча постсоветских миграционных волн. Советская миграционная политика была жестко централизована и институционально закреплена, что обеспечивало полный государственный контроль над передвижением.

Постсоветский период и репатриация

Распад СССР в 1991 г. радикально изменил струк-

туру и динамику миграционных потоков. С точки зрения модели промежуточных возможностей Стоуффера (1940 г.), исчезновение единого политического пространства увеличило «миграционную дистанцию» между бывшими союзными республиками, но при этом Россия осталась ближайшей и наиболее доступной страной для перемещения русскоязычного населения. По данным Росстата, в 1990-е гг. в Россию ежегодно прибывало от 500 тыс. до 1 млн мигрантов, значительная часть которых были этническими русскими или русскоязычными гражданами Украины, Казахстана, Узбекистана и др. [25].

Ключевыми факторами репатриации стали экономические кризисы, дискриминация по языковому и этническому признаку, политическая нестабильность в странах происхождения; в качестве факторов притяжения выступали упрощенные правовые процедуры и культурно-языковая близость.

В странах Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан) русскоязычное население столкнулось с ограничениями на занятие государственных должностей и сужением сферы применения русского языка в образовании, что ускорило эмиграцию [25]. Одновременно в 1990-е гг. усилилась эмиграция из России — около 1,5–2 млн человек, включая значительную долю высококвалифицированных специалистов, покинули страну из-за экономической и политической нестабильности [26]. Это создало парадоксальную ситуацию, когда миграционная политика одновременно способствовала притоку соотечественников и утрате собственного человеческого капитала.

К 2000-м гг. миграционные потоки стабилизировались, но сохраняли значительную долю русскоязычных мигрантов. Перепись 2010 г. зафиксировала 4,8 млн этнических русских, прибывших из стран СНГ, преимущественно расселенных в Центральном, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах. К 2020 г. их число снизилось до 4,2 млн, что связано как с демографическим спадом в странах происхождения, так и с ужесточением правил (например, обязательные экзамены по русскому языку).

Среднегодовой миграционный прирост сократился с 465 тыс. человек в 1990-е до 295 тыс. в 2000-е и 257 тыс. в 2011–2019 гг. Особенно заметным стало снижение во второй половине 2010-х гг., когда в 2018 г. прирост упал до рекордных 124 тыс. из-за сбоев межведомственного обмена данными между МВД и Росстатом [27]. В 2019 г. он вновь вырос до 285,8 тыс., частично за счет фиксации ранее неучтенной миграции из Украины. Пик в возрастной группе 20–24 года (рост на 38 % в 2019 г.) отражает значительный вклад образовательной миграции, хотя модель человеческого капитала Дж. Беккера позволяет предположить, что часть этой молодежи после окончания обучения может покинуть страну в поисках лучших экономических возможностей.

Таким образом, современная миграция русскоязычного населения в Россию является результатом длительной исторической эволюции, где пересекаются закономерности, описанные теориями «притяжения-выталкивания», человеческого капитала и миграционных сетей, а также специфические институциональные факторы постсоветского пространства.

Государственные программы переселения

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, запущенная в 2006 г., стала ключевым элементом миграционной политики России, направленным на поддержку русскоязычных мигрантов. Программа предоставляет льготы, включая ускоренное получение гражданства, субсидии на переезд и жилье, а также помощь в трудоустройстве, что отражает стремление государства облегчить интеграцию соотечественников.

К 2020 г. в рамках программы переселилось около 1,2 млн человек, преимущественно из Украины, Казахстана и Узбекистана. Однако реализация программы сталкивается с проблемами, такими как недостаточное финансирование и бюрократические сложности, особенно в регионах с низкой экономической активностью, таких как Дальний Восток. Эти вызовы перекликаются с мотивами эмиграции из России, где бюрократические и экономические барьеры побуждали квалифицированных специалистов искать возможности за рубежом, подчеркивая необходимость совершенствования миграционной политики для удержания и привлечения человеческого капитала [13].

Тенденции трудовой миграции

Русскоязычные мигранты активно участвуют в российском рынке труда, занимая как низкоквалифицированные, так и квалифицированные позиции, в значительной степени благодаря миграционной политике России, упрощающей доступ к рынку труда для граждан ЕАЭС. По данным Росстата за 2017 г., ежегодно в Россию прибывало около 200 тыс. трудовых мигрантов из стран СНГ, значительная часть которых владела русским языком. Основные отрасли занятости включают строительство, где мигранты из Узбекистана и Таджикистана часто работают на строительных объектах, торговлю и сферу услуг, привлекающие мигрантов из Украины и Казахстана, образование и переводческую деятельность, где заняты русскоязычные мигранты из Белоруссии и Украины, а также IT и инженерные специальности, в которых квалифицированные специалисты из Казахстана и Украины вносят вклад в технологические отрасли.

Согласно исследованию А. А. Гребенюка и др., 86 % трудовых мигрантов из Центральной Азии владеют русским языком на уровне «хорошо» или «свободно», 12 % могут с трудом объясняться, а 2 %

очень плохо говорят по-русски. Наибольший уровень владения языком наблюдается среди мигрантов из Узбекистана (46,6 % свободно владеют) и Киргизии (47,3 %), тогда как в Таджикистане этот показатель составляет 39 % [28].

Эти данные подтверждают, что русскоязычные мигранты имеют преимущество на рынке труда благодаря минимальному языковому барьеру, что поддерживается политикой России, упрощающей легализацию для таких мигрантов. По данным А. Х. Рахмонова, мигранты из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана составляют более 61 % от общего числа мигрантов в России, преимущественно занимая низкоквалифицированные позиции в строительстве, коммунальных услугах, торговле и транспорте, где местное население менее охотно работает [29]. В то же время эмиграция высококвалифицированных специалистов из России, особенно в 2001–2005 гг., способствовала потере человеческого капитала, что подчеркивает двойственную природу миграционных процессов и необходимость их регулирования.

Проблемы трудовой интеграции

Несмотря на языковое преимущество и упрощенные процедуры для некоторых категорий мигрантов, русскоязычные мигранты сталкиваются с рядом проблем, обусловленных миграционной политикой России. Введение в 2015 г. обязательных экзаменов по русскому языку, истории и законодательству РФ усложнило процесс легализации даже для тех, кто свободно владеет языком, создавая дополнительные барьеры.

Исследование А. А. Гребенюка и др. отмечает, что 14 % мигрантов испытывают культурную депривацию из-за слабых коммуникативных навыков, что затрудняет социокультурную адаптацию. В абсолютных цифрах около 1,1 млн трудовых мигрантов, плохо владеющих русским языком, сосредоточены в крупных городах, что способствует формированию замкнутых этнических сообществ, что частично связано с ограничениями миграционной политики [28].

Конкуренция за рабочие места также является проблемой. Мигранты с высоким уровнем владения русским языком могут занимать позиции, доступные местному населению, что вызывает напряженность, особенно в регионах с высоким уровнем безработицы, таких как Дальний Восток. Кроме того, исследование показывает, что уровень знания русского языка не влияет на размер ежемесячного дохода мигрантов (p -value 0,176), так как многие работают в низкоквалифицированных сегментах, где языковые навыки не являются критически важными.

Новые экономические санкции, введенные против России в связи с украинским конфликтом, также повлияли на трудовую миграцию. По данным Министерства внутренних дел РФ, в первой половине

2023 г. число мигрантов сократилось на 2 млн по сравнению с второй половиной 2022 г., включая снижение числа мигрантов из Таджикистана (0,85 млн) и Киргизии (0,05 млн). Параллельно эмиграция из России, особенно среди молодежи, стремящейся к лучшим экономическим перспективам, усилилась в 2014 г. после присоединения Крыма, что создало дополнительные вызовы для внутренней экономики.

Экономическая интеграция

Экономическая интеграция русскоязычных мигрантов оценивается как умеренно высокая, во многом благодаря миграционной политике России, которая предоставляет определенные льготы, такие как упрощенные процедуры для граждан ЕАЭС. По данным ИОМ/IPL, они получают средний балл 0,55 по экономическим показателям, включая доход, занятость и удовлетворенность работой. Русскоязычные мигранты, особенно из Белоруссии и Украины, быстро находят работу в сферах, требующих квалифицированного труда, таких как образование и ИТ. Однако доступ к высокооплачиваемым позициям ограничен из-за бюрократических барьеров, таких как необходимость получения патентов, что является прямым следствием миграционной политики. По данным Е. Тюрюкановой, около 30 % трудовых мигрантов из СНГ работали в неформальном секторе, что снижает их социальные гарантии [30].

Мигранты из Центральной Азии вносят значительный вклад в экономику России. Например, за 2015–2022 гг. платежи за трудовые патенты в Москве составили около 14 млрд руб., что эквивалентно 7 % поступлений от подоходного налога, одного из ключевых источников формирования городского бюджета. В 2021–2023 гг. мигранты из Узбекистана и Таджикистана внесли около 60,8 млрд руб. в бюджет РСФСР за счет патентов, а в 2022 г. их вклад в бюджет Москвы составил 32 млрд руб. в виде налогов.

В то же время эмиграция высококвалифицированных специалистов из России, особенно в 2001–2005 гг., привела к потере человеческого капитала, что подчеркивает необходимость привлечения квалифицированных мигрантов для восполнения дефицита рабочей силы, что поддерживается государственной политикой.

Тенденции образовательной миграции

Образовательная миграция русскоязычных студентов из стран СНГ в Россию остается значимой, поддерживаемая миграционной политикой, предусматривающей квоты на обучение. По данным Министерства образования и науки РФ, в 2014 г. в российских вузах обучалось около 70 тыс. студентов из СНГ, преимущественно из Казахстана, Узбекистана и Украины. Квоты на обучение составляли около 15 тыс. мест ежегодно в 2014–2017 гг.

Ведущие вузы, такие как МГУ, СПбГУ и НИУ

ВШЭ, привлекают студентов программами в области экономики, инженерных наук и гуманитарных дисциплин. Русскоязычные студенты имеют преимущество благодаря языковой близости, что облегчает адаптацию к учебной среде, что особенно заметно в возрастной группе 20–24 года, где в 2019 г. наблюдался рост числа прибывших на 38 %. Однако эмиграция российских студентов за рубеж, особенно в 2001–2005 гг., когда образовательная миграция стала популярным способом поиска лучших возможностей, создала конкуренцию за квалифицированные кадры [31].

Несмотря на языковое преимущество, студенты сталкиваются с административными барьерами, такими как длительное подтверждение иностранных дипломов и ограниченный доступ к стипендиям, что является следствием бюрократических аспектов миграционной политики. Только 20 % иностранных студентов, включая русскоязычных, получают государственные стипендии. Исследование А. А. Гребенюка подчеркивает необходимость диагностики уровня владения русским языком у детей мигрантов, особенно из Таджикистана (39 % свободно владеют языком), для улучшения образовательных результатов [28].

Социальная интеграция

Социальная интеграция русскоязычных мигрантов облегчается языковой и культурной близостью, а также миграционной политикой России, предоставляющей льготы для определенных групп мигрантов. По данным ИОМ/IPL, они получают оценку 4 из 5 по метрике социальной интеграции, активно взаимодействуя с местным населением и участвуя в общественных инициативах. Например, мигранты из Белоруссии и Украины интегрируются в городские сообщества Москвы и Санкт-Петербурга. Однако в регионах, таких как Дальний Восток, ксенофобия и предубеждения создают барьеры, усиливая формирование замкнутых этнических сообществ, что частично связано с недостатками миграционной политики, не обеспечивающей достаточной социальной поддержки. По данным Института социологии РАН, в 2011 г. 68 % россиян выражали раздражение или неприязнь к представителям других национальностей, что подчеркивает рост ксенофобных настроений.

Русский язык является ключевым фактором интеграции. Показательно, что 86 % мигрантов из Центральной Азии владеют русским языком на достаточном уровне, что облегчает их адаптацию. Длительность пребывания в России положительно влияет на языковые навыки: среди мигрантов, находящихся в стране более 5 лет, 50 % свободно владеют языком, по сравнению с 18,4 % среди тех, кто прожил менее года. Однако 1,1 млн мигрантов, плохо говорящих по-русски, сталкиваются с коммуникативными барьерами, что требует разработки языковых курсов, поддерживаемых государственной политикой. Только 18 %

мигрантов посещали такие курсы, а 16 % не знали об их существовании. Эмиграция из России также повлияла на языковую идентичность: исследования показывают, что русскоязычные эмигранты за рубежом часто сталкиваются с языковой интерференцией, что приводит к трансформациям в использовании русского языка.

Отмечается, что многоязычный ландшафт в Санкт-Петербурге, включая вывески на узбекском, таджикском и киргизском языках, способствует социальной интеграции, предоставляя мигрантам доступ к информации и услугам. Например, объявления в чайханах или на рынках, таких как Апраксин двор, ориентированы на мигрантов, что облегчает их взаимодействие с городской средой. Однако использование языков мигрантов в публичных пространствах может также усиливать негативные стереотипы, связывая их с низкостатусными профессиями, что требует корректировки в рамках миграционной политики для нормализации многоязычия.

Е. А. Железнякова подчеркивает, что адаптация детей мигрантов в российских школах осложняется иноэтничностью и инофобностью, а также личностными факторами, такими как интеллектуальные способности и эмоционально-волевые особенности. Эти барьеры особенно заметны в начальной школе, где дети мигрантов, плохо владеющие русским языком, сталкиваются с трудностями в коммуникации с учителями и сверстниками, что может приводить к социальной изоляции. Для преодоления этих барьеров необходимы специальные педагогические программы, направленные на развитие языковых навыков и социокультурной адаптации, а также подготовка учителей к работе с иноэтничными детьми, что должно быть поддержано миграционной политикой России [12].

Миграционные намерения также связаны с уровнем владения языком. Среди мигрантов, планирующих остаться в России, 55 % свободно владеют русским, а среди тех, кто плохо говорит, 34,6 % не имеют четких миграционных планов. Это подчеркивает важность языковой подготовки для формирования устойчивых интеграционных стратегий, что может быть усилено государственной поддержкой. Аналогично, исследования эмиграции показывают, что русскоязычные эмигранты, стремящиеся интегрироваться в принимающие страны, часто изучают местные языки, что влияет на их использование русского языка.

Влияние миграционной политики России

Законодательная база

Миграционная политика России, закрепленная Федеральным законом № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [4] от 25 июля 2002 г., устанавливает правила для трудовой миграции и является ключевым фактором, определяющим адаптацию и интеграцию мигрантов.

Этот закон регулирует правовой статус иностранных граждан, включая требования к занятости, квоты на привлечение иностранной рабочей силы, обязанности работодателей по уведомлению органов власти о найме иностранных работников, а также процедуры получения видов на жительство и разрешений на работу. Исключения предусмотрены для определенных категорий, таких как высококвалифицированные специалисты, с упрощенными процедурами для граждан ЕАЭС. Для русскоязычных мигрантов из стран ЕАЭС (например, Белоруссии и Казахстана) действуют упрощенные процедуры, что облегчает их доступ к рынку труда и социальной инфраструктуре, включая право на работу без разрешения на работу в рамках ЕАЭС.

Федеральный закон № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18 июля 2006 г. устанавливает систему миграционного учета как форму государственного регулирования миграционных процессов, обеспечивая реализацию конституционных прав на свободу передвижения и выбор места пребывания.

Закон определяет цели учета, включая фиксацию адреса пребывания или места жительства иностранных граждан, что способствует их адаптации через обеспечение легального статуса, хотя конкретные процедуры регистрации подразумевают обязательства для мигрантов.

Федеральный закон № 163-ФЗ от 27 июня 2018 г. вносит изменения в Федеральный закон № 109-ФЗ [7], обновляя определения «место пребывания» (включая жилые помещения, не являющиеся местом жительства, или организации, где мигрант фактически проживает) и «принимающая сторона» (расширяя на российских граждан, юридических лиц, органы власти и высококвалифицированных специалистов). Это уточняет основания для регистрации по месту пребывания, включая адрес организации для трудящихся мигрантов, что влияет на трудовую миграцию и интеграцию.

Проблемы с учетом миграции, особенно в 2018 г., когда миграционный прирост упал до 124 тыс. человек из-за сбоя в передаче данных от МВД России Росстату, подчеркивают несовершенство регистрационной системы. Это привело к недоучету миграции, хотя в 2019 г. показатель восстановился до 285,8 тыс. человек, частично за счет фиксации ранее недоучтенной миграции из Украины.

Исследователи отмечают, что после изменения методики учета миграции в 2011 г., Росстат может переучитывать долговременных мигрантов, что усложняет точную оценку миграционных потоков и требует совершенствования миграционной политики. С 2015 г. введение обязательной покупки трудовых патентов для граждан Таджикистана и Узбекистана, не входящих в ЕАЭС, увеличило стоимость легально-

го пребывания в России, составив в среднем 4900 руб. (67,6 долларов США) в 2022 г., что создает финансовые трудности для мигрантов.

Программа переселения соотечественников, запущенная в 2006 г., является важным инструментом миграционной политики, привлекшим около 1,2 млн человек к 2020 г. Она предоставляет льготы, такие как ускоренное получение гражданства и субсидии, но сталкивается с проблемами, такими как недостаток рабочих мест в некоторых регионах, например, на Дальнем Востоке, где мигранты часто не находят обещанных возможностей трудоустройства. Политические события, такие как конфликт на Украине в 2014–2015 гг., увеличили миграцию из Украины (150 тыс. человек в 2014 г.), но к 2020 г. поток сократился до 110 тыс. из-за ужесточения миграционных правил. Экономические санкции и спад экономики также ограничили возможности для трудоустройства мигрантов.

Новые санкции, введенные в связи с украинским конфликтом, привели к сокращению числа мигрантов из Центральной Азии на 3 % в первой половине 2023 г. по сравнению с 2022 г., что отражает экономическую нестабильность и снижение привлекательности российского рынка труда (Рахмонов, 2024 г.). Эмиграция из России, особенно после 2014 г., была обусловлена экономическими и политическими факторами, что усилило отток квалифицированных кадров, подчеркивая необходимость реформирования миграционной политики для удержания и привлечения человеческого капитала [32].

В 2025 г. миграционная политика претерпела дальнейшие изменения: с 1 января сокращен срок пребывания безвизовых иностранных граждан до 90 дней в календарный год. С 30 июня введена обязательная цифровая регистрация за 72 часа до прибытия для безвизовых мигрантов, что усиливает контроль. Кроме того, запрещена деятельность, наносящая ущерб интересам РФ, с усилением мер депортации за нарушения

Вызовы и перспективы интеграции

Русскоязычные мигранты сталкиваются с множеством сложностей при интеграции в российское общество, несмотря на потенциальное культурное и языковое сходство с принимающим населением: конкуренция на рынке труда, особенно в регионах с высоким уровнем безработицы, таких как Дальний Восток, зачастую усугубляется тем, что приезжие с хорошим знанием русского языка занимают рабочие места, доступные местному населению; сложные бюрократические процедуры, включая обязательные экзамены по русскому языку, истории и законодательству, введенные в 2015 г. и ужесточенные в 2025 г., ограничивают доступ мигрантов к формальной занятости и способствуют коррупции и расширению неформального рынка труда; наличие системных пробелов в учете миграции, как показал недоучет в 2018 г., затрудня-

ет планирование интеграционных мер, а ксенофобия усиливает социальную изоляцию, особенно детей мигрантов, которые сталкиваются с предубеждениями в школах и испытывают затруднения при обучении [32].

Языковой барьер остается центральной проблемой: по данным Минпросвещения, 12 %, или около 25 тыс. детей-мигрантов к концу учебного года не владеют или слабо владеют русским языком (в качестве итоговой оценки), тогда как в некоторых исследованиях, в том числе по выборке из школ, этот показатель достигает 18 %, а успешное владение языком подтверждает лишь 58 % протестированных детей; по заявлениям спикера Госдумы, выборочная проверка показала, что 41 % детей-мигрантов либо не знают, либо плохо знают русский язык [33], заместитель председателя Совбеза Дмитрий Медведев констатировал, что более 40 % из более чем 200 тыс. детей мигрантов имеют недостаточный уровень владения языком для успешного обучения [34]. Среди педагогов сомнения в языковой готовности гораздо более распространены: почти 53 % учителей отметили проблемы с владением языком и с освоением предметов у детей-мигрантов, что требует индивидуального подхода.

Таким образом, можно подчеркнуть, что язык является ключевым маркером успешной адаптации и влияет не только на коммуникацию, но и на психологическое благополучие и доступ к образованию, трудоустройству и социальным институтам, становится ясно, что языковой барьер — фундаментальная детерминанта сегрегации и ограниченной мобильности мигрантов; подобные сценарии наблюдаются и в образовательной практике: несмотря на ограниченные публичные стратегии поддержки, большинство детей языково изолированы и не получают полноценной интеграции.

Кроме того, ограниченная видимость языков мигрантов в публичной сфере способствует их стигматизации, где многоязычные вывески ассоциировались с низкостатусными профессиями, а утечка высококвалифицированных кадров в 2001–2005 гг. подчеркивает необходимость привлечения квалифицированных мигрантов и улучшения миграционной политики.

Для преодоления этих вызовов нужна комплексная реформа миграционной политики. В частности, необходимо упростить процедуры легализации, снизить требования к сдаче экзаменов для русскоязычных мигрантов, уменьшить административные издержки и плату за патенты. Следует масштабно развивать бесплатные курсы русского языка как неродного, особенно в отраслях с высокой долей мигрантов (строительство, сельское хозяйство), где до 20–25 % работников испытывают языковые трудности.

Кроме того, важно внедрять специализированные школьные программы для детей-мигрантов, расширить образовательные квоты для студентов из СНГ и

упростить признание иностранных дипломов, а также создавать центры с бесплатной юридической и психологической поддержкой. Не менее значима нормализация языков мигрантов в общественной жизни посредством культурных и образовательных инициатив, поддержка русского языка в зарубежной диаспоре, и подготовка педагогов к работе в многонациональных классах должны стать приоритетными элементами интеграционной стратегии, способствующей не только экономической, но и социокультурной интеграции.

Заключение

Русскоязычные мигранты из стран СНГ вносят значительный вклад в экономику и культурное разнообразие России, а миграционная политика России выступает ключевым фактором, определяющим их адаптацию и интеграцию. Их языковое преимущество облегчает адаптацию, но бюрократические барьеры, проблемы учета миграции, конкуренция на рынке труда, ксенофобия и инофобность создают вызовы. Подчеркивается, что 86 % мигрантов из Центральной Азии владеют русским языком на достаточном уровне, но 1,1 млн человек нуждаются в языковой поддержке.

Также можно сделать вывод, что многоязычный ландшафт в городах, таких как Санкт-Петербург, играет двойственную роль: он облегчает доступ мигрантов к информации и услугам, но также может усиливать стереотипы, связывая языки мигрантов с низкостатусными профессиями.

Адаптация детей мигрантов в школах осложняется иноэтничностью, инофобностью и личностными факторами, что требует специальных педагогических подходов. Мигранты из Центральной Азии играют ключевую роль в демографическом развитии России, предотвращая более значительное снижение численности населения. В 2020–2021 гг. их вклад составил рост населения на 0,08 % и 0,02 % соответственно, а без учета мигрантов население могло бы сократиться на 1,53 %. Эмиграция из России, особенно высококвалифицированных специалистов и молодежи, создала вызовы для сохранения человеческого капитала и языковой идентичности, подчеркивая необходимость поддержки русского языка в диаспоре.

Реформирование миграционной политики России, включая упрощение процедур, улучшение учета миграции, развитие языковых курсов, повышение видимости языков мигрантов в позитивных контекстах, педагогическую поддержку детей мигрантов и борьбу с ксенофобией, может усилить интеграцию, способствуя устойчивому развитию России и укреплению ее позиций в постсоветском пространстве.

Список источников

1. Алешковский И. А. Периодизация эмиграции

из России в постсоветский период // Журнал исследований в прикладной лингвистике. Специальный выпуск. 2016. Т. 11. С. 465–472.

2. Рязанцев С. В. Эмиграция из России: о концептуальной категории // Социологические исследования. 2018. № 883. С. 48–53.
3. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/
4. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
5. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/
6. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 110-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61570/
7. Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 163-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301047/
8. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 216-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 215-ФЗ «О внесении изменения в статью 18.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=317104>
10. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Фе-

- дерации» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421935/
11. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/51023>
  12. Железнякова Е. А. Языковая адаптация детей из семей мигрантов в российской школе // Вестник Вятского государственного университета. 2023. Т. 8. № 3 (149). С. 261–269.
  13. Медведь В. А. Адаптация и интеграция русскоязычных мигрантов в контексте миграционной политики: дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2024.
  14. Everett S. Lee A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
  15. Becker G S. Human Capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. 3d ed. Chicago : The University of Chicago Press, 1992.
  16. Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. No. 3. P. 431–466.
  17. Zipf G. K. The P 1 P 2 D Hypothesis: On the Intercity Movement of Persons // American Sociological Review. 1946. No. 11. P. 677–686.
  18. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. Vol. 5. No. 6. P. 845–867.
  19. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
  20. Андреев Е. М., Чурилова Е. В. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года в свете статистики текущего учета населения и переписей предыдущих лет // Демографическое обозрение. 2023. № 10 (3). С. 4–20.
  21. The IPL Integration Index // URL: <https://immigrationlab.org/ipl-integration-index/>
  22. Ткачева Н. А. Роль миграций в становлении и развитии российского государства: ретроспективный анализ // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-3. С. 767–771.
  23. Engel V. A. Russian Peasant Views of City Life, 1861–1914 // Slavic Review. 1993. No. 52 (3). P. 446–459.
  24. Lewis H. Siegelbaum The ‘flood’ of 1945: regimes and repertoires of migration in the Soviet Union at war’s end // Social History. 2017. Vol. 42. No. 1. P. 52–72.
  25. Общие итоги миграции населения (человек) // URL: [https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/16_%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8%20%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20\(6\)\(2\).doc](https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/16_%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8%20%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20(6)(2).doc)
  26. Aleshkovski I. A., Gasparishvili A., Grebenyuk A. The Changing Landscape of Russia’s Emigration from 1990 to 2020: Trends and Determinants // Journal of Globalization Studies. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 45–62.
  27. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф., Абылкаликов С. И. Миграция населения в России: новейшие тенденции и опыт поколений // Население России 2019. 2022. С. 276–326.
  28. Гребенюк А. А., Максимова А. С., Агеенко А. Ю. Русский язык в контексте социально-экономической адаптации трудовых мигрантов из Центральной Азии в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 4. С. 167–187.
  29. Рахмонов А. Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов // Управление. 2024. Т. 12. № 2. С. 82–90.
  30. Тюрюканова Е. Рабочие руки: справедливая цена. Россия будет все сильнее зависеть от труда мигрантов // О влиянии миграции на рынок труда. 2007. № 4 (36).
  31. Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья // Демоскоп Weekly. 2012. № 513–514.
  32. Юн С. М., Погорельская А. М., Трофимов В. А., Таалайбек кызы Ж. Трудовая и образовательная миграция из Кыргызстана в Россию в условиях международного кризиса 2022–2023 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 133–142.
  33. Более 10 % детей-мигрантов по завершении учебного года не владеют русским языком // URL: <https://tass.ru/obschestvo/20989605>
  34. Медведев: 40 % детей мигрантов недостаточно владеют русским языком // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7404385>
- ### References
1. Aleshkovsky I. A. Periodization of emigration from Russia in the post-Soviet period // Journal

- of Research in Applied Linguistics. Special issue. 2016. Vol. 11. P. 465–472.
2. Ryazantsev S. V. Emigration from Russia: on the conceptual category // Sociological research. 2018. No. 883. P. 48–53.
  3. Federal Law No. 114-FZ of August 15, 1996 «On the procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/
  4. Federal Law No. 115-FZ of July 25, 2002 «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
  5. Federal Law No. 109-FZ of July 18, 2006 «On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/
  6. Federal Law No. 110-FZ of July 18, 2006 «On Amendments to the Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» and on Invalidation of Certain Provisions of the Federal Law «On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61570/
  7. Federal Law No. 163-FZ of June 27, 2018 «On Amendments to the Federal Law «On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301047/
  8. Federal Law No. 216-FZ of July 19, 2018 «On Amendments to Article 16 of the Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» // LRS «ConsultantPlus».
  9. Federal Law No. 215-FZ of July 19, 2018 «On Amendments to Article 18.9 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation» // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=317104>
  10. Federal Law No. 357-FZ of July 14, 2022 «On Amendments to the Federal Law «On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421935/
  11. Federal Law No. 260-FZ of August 8, 2024 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/51023>
  12. Zheleznyakova E. A. Linguistic adaptation of children from migrant families in Russian schools // Bulletin of Vyatka State University. 2023. Vol. 8. No. 3 (149). P. 261–269.
  13. Medved V. A. Adaptation and integration of Russian-speaking migrants in the context of migration policy: diss. ... candidate of economic sciences. M., 2024.
  14. Everett S. Lee A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
  15. Becker G S. Human Capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. 3d ed. Chicago : The University of Chicago Press, 1992.
  16. Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Vol. 19. No. 3. P. 431–466.
  17. Zipf G. K. The P 1 P 2 D Hypothesis: On the Intercity Movement of Persons // American Sociological Review. 1946. No. 11. P. 677–686.
  18. Stouffer S. Intervening Opportunities: A Theory Relating Mobility and Distance // American Sociological Review. 1940. Vol. 5. No. 6. P. 845–867.
  19. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
  20. Andreev E. M., Churilova E. V. Results of the All-Russian population census of 2021 in the light of statistics of current population registration and censuses of previous years // Demographic overview. 2023. No. 10 (3). P. 4–20.
  21. The IPL Integration Index // URL: <https://immigrationlab.org/ipl-integration-index/>
  22. Tkacheva N. A. The role of migration in the formation and development of the Russian state: a retrospective analysis // Fundamental Research. 2014. No. 8-3. P. 767–771.
  23. Engel B. A. Russian Peasant Views of City Life, 1861–1914 // Slavic Review. 1993. No. 52 (3). P. 446–459.
  24. Lewis H. Siegelbaum The ‘flood’ of 1945: regimes and repertoires of migration in the Soviet Union at war’s end // Social History. 2017. Vol. 42. No. 1. P. 52–72.
  25. General results of population migration (people) // URL: [https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/16_%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8%20%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20\(6\)\(2\).doc](https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/16_%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B8%D0%B5%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8%20%D0%BC%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20(6)(2).doc)

26. Aleshkovski I. A., Gasparishvili A., Grebenyuk A. The Changing Landscape of Russia's Emigration from 1990 to 2020: Trends and Determinants // Journal of Globalization Studies. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 45–62.
27. Karachurina L. B., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu. F., Abylkalikov S. I. Population migration in Russia: the latest trends and generational experience // Population of Russia 2019. 2022. P. 276–326.
28. Grebenyuk A. A., Maksimova A. S., Ageenko A. Yu. The Russian language in the context of socio-economic adaptation of labor migrants from Central Asia in Russia // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 167–187.
29. Rakhmonov A. H. The role of labor migrants from Central Asia in the socio-economic development of Russia in the context of new global challenges // Management. 2024. Vol. 12. No. 2. P. 82–90.
30. Tyuryukanova E. Working hands: a fair price. Russia will increasingly depend on migrant labor // On the impact of migration on the labor market. 2007. No. 4 (36).
31. Denisenko M. Emigration from Russia to foreign countries // Demoscope Weekly. 2012. No. 513-514.
32. Yun S. M., Pogorelskaya A. M., Trofimov V. A., Taalaibek kyzy Zh. Labor and educational migration from Kyrgyzstan to Russia in the context of the international crisis of 2022-2023 // Bulletin of Tomsk State University. History. 2024. No. 89. P. 133–142.
33. More than 10 % of migrant children do not speak Russian at the end of the school year // URL: <https://tass.ru/obschestvo/20989605>
34. Medvedev: 40 % of migrant children do not speak Russian well enough // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7404385>

Информация об авторе

Н. В. Пухова — старший преподаватель кафедры русского языка Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. V. Pukhova — Senior lecturer of the Russian Language Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.